

Роман Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» в свете романной концепции писателя

Для современной Д.Н. Мамину-Сибиряку критики особенности художественного мышления Мамина были тесно связаны с основной темой его произведений — изображением капиталистических процессов, захватывающих всю жизнь страны и кардинально меняющих традиционные устои. В. Альбов писал о картине жизни, отрывающейся в творчестве писателя: «Изда за необозримых рядов отдельных личностей, которые кажутся какими-то живыми точками на жизненной сцене, перед глазами читателя вырисовывается невидимая система невидимых колес, шестерней, валов и приводов, которая связывает людей в одно сложное целое. В этой стихийной связи все обусловлено... и одно связано с другим, как кольца железной цепи. <...> ...все люди служат только жалким материалом в руках слепых стихийных сил, строящих человеческое общество» [Альбов, № 1, с. 113, 116]. Отсюда, по мнению критика, «капитализм с его сложными жизненными отношениями» дал богатый материал для произведений Мамина, а возможно, и сформировал его мировоззрение. Позднее, определяя основную «идею» социологического романа, Е.Б. Тагер отмечал: «Приводные ремни социального механизма управляют человеком независимо от его личных склонностей и устремлений — таков тезис социологического романа» [Тагер, с. 181]. Однако, с точки зрения И.А. Дергачева, социально-историческое бытие в романах Мамина постоянно поверяется и корректируется национально-историческим, эпическим началом: «...построение сюжета представляет своеобразное сочетание и противоборство тех начал, из которых одно М. Бахтин называл “романным”, а другое — “эпическим”», и имен-

но эпический сюжет дает широкую структуру «национально-исторического <и> социального бытия» [Дергачев, 2005, с. 143]. Очевидно, что на долю «романного» начала остается развитие индивидуально-личных историй персонажей, целиком не «воплотимых» ни в социальный, ни в национально-исторический пласты сюжета и полностью не подверженных соответствующей характерологической детерминации.

Попробуем проследить, как строится роман «Три конца», входящий в цикл т. н. уральских романов Мамина, и насколько в нем прослеживаются отмеченные закономерности романной концепции писателя.

Над романом «Три конца», опубликованным в «Русской мысли» в 1890 г.¹, Мамин-Сибиряк работал на протяжении второй половины 1880-х гг. В сентябре 1887 г. он сообщил брату: «Сейчас пишу “агроматный” роман из заводского быта “На воле”... Вещь выйдет хлесткая» (цит. по: [Дергачев, 1977, с. 160]). Местом действия в произведении стал Ключевской завод (под ним имелся в виду родной писателю Висимо-Шайтанский завод), из числа «знаменитейших Мурмосских заводов», расположенных «на самом перевале Среднего Урала» [Мамин-Сибиряк, с. 23]² (Мурмос — Нижний Тагил). Это определило оригинальный характер той заводской среды, что была воссоздана в романе. «Завод, где я родился и вырос, в этнографическом отношении представляет замечательную картину, — вспоминал Мамин. — Половину составляют раскольники-аборигены, одну четверть — черниговские хохлы и последнюю четверть — туляки. При крепостном праве они не могли слиться, а на воле это слияние произошло само собой» [с. 342]. Однако достоверное и точное воссоздание указанного этнического состава заводских поселков, подробное описание своеобразия каждого слоя или «клана» не делало роман чисто этнографическим произведением, на этом настаивал и сам автор, первоначально именуя его «На воле» и лишь при печатании изменив заглавие на более нейтральное «Три конца».

¹ Д. Сибиряк (Д.Н. Мамин). Три конца. (Уральская летопись). (Посвящается М. Я. А-вой) // Русская мысль. 1890. № 5. С. 1–80; № 6. С. 1–64; № 7. С. 1–90; № 8. С. 19–99; № 9. С. 112–174.

² Далее роман Д.Н. Мамина-Сибиряка цитируется по данному изданию, т. 5, с указанием страницы в скобках.

Время действия романа обнимает собой пореформенные годы, что задает его тему и проблематику. Объектом внимания автора в первую очередь стали изменения в сфере социально-экономических, производственных отношений, происходящие с отменой крепостного права. По словам И. А. Дергачева, «...писатель еще не выделяет эту категорию (производственных отношений. — *Е. С.*) сознательно, но всем эпическим повествованием, направленным на раскрытие основы жизни народа, он приводит читателя к мысли об определяющем ее значении в судьбах людей» [Дергачев, 1953, с. 50]. Мамин показывает сам процесс неизбежной капитализации всего строя жизни в уральской глубинке и его последствия: падение уровня производства, резкое социальное и имущественное расслоение прежде относительно монолитных «трех концов», обнищание и деградацию масс, разрушение традиционных отношений в семье, межличностных отношений в поселках. Все завершается остановкой заводов и массовым уходом бывших заводчан в поисках заработков — «лучшей жизни». Таким образом, роман Мамина изображает словно бы предысторию тех процессов миграции рабочего населения Урала по стране, которые были представлены Ф. М. Решетниковым в романе «Где лучше?» (1868). Маминский роман перекликается и с романами Решетникова «Горнорабочие» (1866) и «Глумовы» (1866), ранними очерками «Осиновцы» (опубл. 1872) и «Горнозаводские люди» (1863): их материал связан с теми главами произведения Мамина, где описывается возникновение Ключевского завода, развитие всего горного округа и характер труда на заводах при крепостном праве, в условиях жесткой военной муштры и полного бесправия рабочих. Но Мамин отходит от «экономического фатализма» Решетникова (выражение И. А. Дергачева [Там же, с. 50]), хотя сама оценка писателем хода и перспектив развития отечественного капитализма была скорее пессимистической, о чем не раз писали в современной ему критике (см., например: [Альбов; Скабичевский; Неведомский]). Мамину-Сибиряку было важно показать процесс освобождения людей от «рабьего» труда и «рабьей» жизни, несмотря на то, что последствия его нередко оказывались катастрофическими.

И. А. Дергачев не случайно назвал «Три конца» «эпосом уральского разорения» [Дергачев, 1977, с. 160]. Формуле уче-

ного созвучен авторский подзаголовок романа: «Уральская летопись». Писатель дает поистине эпическую картину жизни всех слоев заводского населения, делает частые экскурсии в прошлое — вскрывает генезис сегодняшних явлений, связь между порядком и строем хозяйствования при «старой» власти и крушением заводов в пореформенное время. Наряду с судьями «верхов» — заводских управителей, купцов, редких представителей интеллигенции перед читателем проходят истории самих заводчан, собственно народа, из которого и выделилась заводская верхушка. Тульский «конец» представляет, главным образом, Тит Горбатый и его семья, хохлацкий — Дорох Ковальчук (Коваль) со своими домашними, кержацкий (старобрядческий) — семья Гуциных, мать и брат управляющего Петра Мухина, «мастерица» Таисья и пр. Но эти и другие, по видимости заглавные, герои погружены в поток жизни, и порой их теснят лица второстепенные, эпизодические, но не менее колоритные, составляющие своего рода «соль» уральского горнозаводского населения. Завод с обслуживающим его населением поселка представляет собой целый мир. В поселке есть свой кабак — один на все три конца, играющий важную роль в социальных связях; есть свой вор по прозвищу Морок, свой дурачок Терешка, свои разбойники, и среди них самый знаменитый — Окулко, любовник целовальницы Рачителихи: с ним в роман вводится авантюрно-романтическая линия, напоминающая о ранних произведениях Мамина, но она скоро обрывается, поскольку фокус авторского внимания направлен на более значимые социальные проблемы. Заводчане живут по старинке, отдавая все силы работе. Среди мастеровых выделен доменный мастер Никитич, потомственный фанатик заводского дела, «в своей доменной печи» он «видел живое существо» [с. 53] и долго не мог понять, как же можно бросить «робить на фабрике», если в этом — вся его жизнь, другой быть не может. Да и сам процесс заводского производства таков, что его остановка хотя бы на день равносильна концу всего, а потому «...Меня не будет, Тишка пойдет под домну! — ревел Никитич... Сынишка подрастет, он заменит меня, а домна все-таки не станет. — Да ведь и сына-то у тебя нет! — кричал Самоварник. — Все равно: дочь Оленку пошлю» [с. 55]. Отношение к заводскому делу как к чему-то священному разделяет и автор-повествователь, давая характерный для

геопозтики Урала рудничный ландшафт и подчеркивая важную символическую деталь: «Лука Назарыч несколько раз наклонялся к черневшему отверстию шахты, откуда доносились подавленные хрипы, точно там, в неведомой глубине, в смертельной истоме билось какое-то чудовище» [с. 113].

Традиции горнозаводского Урала оставались дороги Мамину, но большой для него темой было текущее состояние уральской промышленности. В статье 1886 г. «Кризис уральской горнопромышленности» он писал о том, что одной из причин кризиса является сложившаяся при крепостном праве система «промышленного зверства»: нещадная эксплуатация даровой рабочей силы и нежелание заводчиков терять свои дивиденды, заменяя рабочих машинами и тем самым совершенствуя производство. Крепостной подневольный труд порождал рабью психологию, наиболее ярким воплощением которой в романе «Три конца» стал главный управляющий завода Лука Назарыч, переживающий, что теперь «...Всем этим подлецам... плати... за все плати... а что же Устюжанинову (хозяину заводов. — Е.С.) останется?» [с. 111]. Сложившаяся система показана в произведении с разных сторон. Она уродует женщин и детей, вынужденных за копейки наниматься на фабрику; редкая из девушек сохраняла здесь себя: так, одна из многочисленных линий романа связана с судьбой работницы Наташки, сестры попавшего в острог разбойника Окулки. «Обойденная со всех сторон нуждой», замученная попреками матери, девушка в конце концов принимает покровительство машиниста Кузьмича, помогающего ей, когда ее маленький брат был обварен паром, и таким образом в сознании заводчан становится «гулящей». Отражением жестких заводских порядков служит патриархальный быт в семьях. Безусловен авторитет старшего — в многодетных семьях, обычно собирающих под одной крышей несколько поколений, это «большак», отец или дед, еще способный к труду. «Загулявшие» девушки или женщины получают немедленное возмездие в виде вымазанных дегтем ворот и худой славы, а девушек-кержачек в этом случае увозят на исправление в скиты — так круто меняется судьба и жизнь первой заводской красавицы Аграфены Гушиной, полюбившей «мочеганина» (туляка) Макара Горбатого и отправленной Тайсей в скит к матери Енафе.

Но Мамин рисует всю разноликую массу заводского народа в момент перемен, когда с объявлением «воли» перед каждым мастеровым встает вопрос: как жить дальше. Движение и развитие «трех концов» носит разнонаправленный характер, зачастую оно идет по принципу деградации — не вверх, а вниз, но людей толкает вперед стремление к новой жизни и новым способам жизнеповедения.

Роман открывается обсуждением указа о «воле» и возможных последствий судьбоносного для большинства населения страны события. Обсуждение идет и среди заводской администрации, и в кабаке, где собралось едва не все мужское население поселка. Из среды заводских «верхов» выделяется Петр Елисеич Мухин, крепостной управляющий на Ключевском заводе. Когда ему было 12 лет, по прихоти заводовладельца Устюжанинова вместе с другими заводскими мальчишками он был отправлен на обучение в Париж, где получил блестящее образование «в знаменитой École polytechnique». По возвращении домой, уже после смерти старого хозяина, «парижане» были посланы выполнять самые тяжелые и грубые заводские работы. Петра Мухина, которого особенно невзлюбил Лука Назарыч, определили в шахту: «он представлял в заводском хозяйстве ценность как мускульная сила, а в его знаниях никто не нуждался» [с. 59]. В итоге «все “заграничные” кончили очень быстро» [с. 59], остался один Петр Елисеич да его сумасшедший друг Сидор Карпыч³. Весть о «воле» все встречают по-разному — Петр Елисеич страдает от осознания того, что «...Поздно наша воля пришла» [с. 60], силы его подорваны, возможности уже не те. Однако именно Мухин — тот единственный человек, который искренне озабочен положением заводов и мечтает об их реконструкции. Его знания не пропали даром — он пишет проект реформирования заводов, предлагая обновить устаревшее оборудование, благо в Европе давно известно новое, заменить многие ручные виды работ машинным производством, но сохранить людей, ибо «исходная точка всего — солидарность интересов заводовладельцев и рабочего населения» [с. 179].

³ Трагическая история «использования» заграничных учеников в системе крепостнического хозяйства, поразившая сознание Мамина, была описана им в повести «Братья Гордеевы» (1891), упоминается она и в романе «Горное гнездо» (1884).

Проект Петра Елисеича утопичен, поскольку хозяева заводов менее всего пекутся об интересах рабочих, и судьбу реформатора в очередной раз решает пока еще всесильный Лука Назарыч, прогоняя его со службы.

История честного заводского служаки Мухина показательна для всей системы не только уральского, но и российского способа хозяйствования и обращения с талантливыми людьми. Через некоторое время Мухина делают управляющим шахтой, а потом на место Луки Назарыча приезжает новый главный управляющий Голиковский, он возвращает Петра Елисеича на старое место, но преодолеть образовавшуюся внутри «щемящую пустоту» Мухин уже не может, да и новый управляющий оказывается совсем не тем человеком, который нужен на заводах. «Это был заводской делец совершенно нового типа, еще неизвестный на Урале» [с. 293], озабоченный прежде всего состоянием заводской канцелярии, наложивший на рабочих массу мелких штрафов и пообещавший увольнять всякого, кто недоволен новыми порядками. Его обещание уволить всех и в случае необходимости выписать рабочих «из России» стало «кровной обидой для всего сплоченного заводского люда, не отделявшего себя до сих пор от заводского дела» [с. 294]. Образ Голиковского рисуется автором с иронией, с отсылкой и к сатирическим образам градоначальников в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, и к его же «Благонамеренным речам», изображающим воцарение в России новых буржуазных порядков. «Я смотрю на рабочую силу, как на всякую машину — и только» [с. 294], — говорит Голиковский; он сам напоминает предназначенную для выполнения определенных функций машину («Каждый должен исполнять свои обязанности неуклонно — это мой девиз» [с. 279]) и, по мысли автора, олицетворяет бездушную и безликую силу капиталистического способа производства и сопутствующих ему отношений. Гротескность образа нарушает лишь то внимание, которое Голиковский начинает оказывать Нюрочке, подросшей дочери Петра Елисеича, но эта сюжетная линия скоро обрывается автором.

Сплочению заводского люда приходит очевидный конец. Еще только узнав о наступлении «воли», рабочие рассуждают, «кто теперь Устюжанинову робить ... будет? Все уйдут с огненной работы и с рудника тоже» [с. 54]. Но, закончив покосную

страда, большинство рабочих возвращается на фабрику. В то же время у некоторых из них появляется соблазн воспользоваться волей для переселения на незанятые земли на юг Урала — в «орду», вернуться к труду землепашцев, от которого они были оторваны в еще достопамятное время. Это желание объединяет туляков и «хохлов», инициаторами переезда и ходами становятся два свата — Тит Горбатый и Дорох Коваль. «...Какая-то стихийная сила толкала вперед людей самых неподвижных...» [с. 163], в ней сказалась «...исконная тяга великорусского племени к своей земле», поднимавшая на дыбы самых древних старух — «Сорока лет заводского житья точно не бывало» [с. 102–103].

В поведении массы Мамин показывает сплетение культурно-исторических, этнонациональных и социальных мотивов. Общий подъем ломает устойчивые границы оседлых групп, но в то же время ведет к усилению «разлома» бывшей когда-то единой заводской среды. В естественном порыве переселенцев автор усматривает противоположные начала: и желание вернуться к патриархальному хозяйству, исторически себя изжившему, и рост самосознания человека, получившего свободу и желающего ею воспользоваться. Тема миграции рабочих, живущих на Урале, сообщает роману эпическую широту, является отражением характерного для пореформенной России исторического явления. Само изображение переселенческого движения недавних крестьян, не по своей воле ставших рабочими, сближает маминский роман с произведениями о переселенцах ряда писателей второй половины века — Г.И. Успенского, Н.Д. Телешова, Ф.Д. Нефедова, Н.Н. Каразина. Однако в маминском романе главный организатор переселения — Тит Горбатый — не прижился в «орде», поэтому был вынужден вернуться в поселок. Его снохи скоро поняли, что старокрестьянский труд под началом «большака» — от зари до зари — каторга и гнет, похуже заводской работы, — и взбунтовались. И хотя старик Горбатый воспринимает распад семьи как разорение, «катастрофу», объективные перемены в повседневной жизни означают установление более свободных, более человеческих отношений между людьми, когда на своих правах настаивают даже женщины, к которым раньше относились как к бессловесной скотине.

Происходящее в поселке социальное и материальное расхождение приводит к возвышению одних и падению достатка и статуса других, когда-то представлявших административную или «мирскую» власть. Так, по воле управляющих заводов то теряет место, то вновь обретает его Петр Елисеич Мухин, и в конце концов, на почве разорения завода, которому он отдал свою жизнь, этот умнейший человек и редкий специалист сходит с ума. Разоряется купец Груздев, еще недавно представлявший «громадную силу». После возвращения из «орды» теряет прежний авторитет и прежнюю силу Тит Горбатый, да и семья его фактически распадается. Лишаются своего места и Лука Назарыч, и еще один заводской служака с характерным прозвищем Палач — жизнь их на этом заканчивается. Однако невиданный вес и богатство получают прежние кабатчики и целовальники; убив и ограбив «старца» Кирилла, солдат Артем окончательно отделяется от отца, открывает свою торговлю, строит новый двухэтажный дом и ждет смерти жены, чтобы жениться на молодой. Таким образом, пришедшая к народу «воля» оказывается «палкой о двух концах», далеко не всем она идет во благо, и редкий из заводчан знает, как ему жить с этой «волей».

Картина народной жизни горнозаводского Урала была бы неполной, если бы автор остановился на изображении только социально-экономических процессов разрушения крепостнического хозяйства и изменения производственных и социально-бытовых отношений людей. Важнейшей темой романа, во многом определившей движение многоаспектного сюжета, являются духовные поиски в народной среде, причем поиски не лучшей доли, не невидимого града Китежа, а духовного спасения. В романе «Три конца», как и во многих других произведениях Мамина, эта тема связана с изображением старообрядцев, составлявших большую часть населения на уральских заводах. Как пишет Л. С. Соболева, «...Интерес к староверию обостряется в пореформенные годы и вызывается желанием понять ту силу народного духа, с которой связываются дальнейшие перспективы обновления общества» [Соболева, 2002, с. 100–101]. Особенно значимыми для второй половины века стали работы о расколе А. П. Шапова, В. В. Андреева, Н. И. Тихонравова, Е. Е. Замысловского, Н. И. Костомарова, Я. В. Абрамова, А. С. Пругавина и др. Многими из них раскол рассматривался как явление

не только религиозное, но и социальное, экономическое, культурное. Образы старообрядцев появляются и в художественной литературе — в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, П.И. Мельникова-Печерского, Ф.М. Решетникова, который ранее Мамина считал движение раскольников неотъемлемой и оригинальнейшей особенностью Урала. Об интересе Мамина к старообрядчеству свидетельствует серьезная подборка соответствующих книг в его библиотеке (см.: [Там же, с. 109–121]), и сама эта тема в творчестве писателя претерпевала изменения от ранних рассказов к зрелым романам и рассказам конца 1890-х — начала 1900-х гг. (см.: [Дергачев, 1992, с. 150–162; Соболева, 2008]).

В «Трех концах» среда староверов показана разнопланово: на примере как общих законов жизни кержацкого «конца», так и ярко очерченных характеров Аграфены, старца Кирилла, Таисьи, Мосея Мухина (брата Петра Елисеича). Именно в староверии, по словам исследовательницы, Мамин видел коренную особенность национального характера — его полярность, отмеченную многими писателями и философами (см.: [Соболева, 2008, с. 152]). Писатель показывает фальшь и внутреннюю неустроенность поборников древней веры: и мать Енафа, и старец Кирилл поддаются искушениям чувственности, властолюбия, тщеславия, корысти. Мосей приводит к тайной заимке, где живут Кирилл, ставший Кононом, и «сестра Авгарь, бывшая заболотская скитница Аглаида, а в миру Аграфена Гущина» [с. 266] с маленьким ребенком, убийц Кирилла-Конона — Макара Горбатого и солдата Артема, позарившегося на деньги скитника. На торжественном моленье на могиле отца Спиридона происходит настоящая драка богомольцев разных согласий, вносящая новую смуту в душу Аглаиды-Аграфены. Но вместе с тем сами метания и беспрестанные поиски этими героями истинной веры, некоего идеального, безгреховного образа жизни, верность заветам древнего благочестия свидетельствуют о неуспокоенности и неисчерпаемости народной души, о внутренних потребностях народа, не находящих исхода в традиционной религии. Старец Кирилл сам называет себя «лютым зверем», сгубившим много женщин, своих «сестер», но он же и кается перед Аглаидой в своей страшной греховности и подверженности страстям. «Да, он искал истины, а находил везде один только грех. Душа

изболела в грехе, изнемогло тело, а впереди страх и скрежет зубовный» [с. 222], — передаются в слове повествователя переживания Кирилла. Критик «Екатеринбургской недели» Н.В. Остроумова отмечала оригинальность этого типа, представленного Маминым, — «по редко встречающейся комбинации черт — волчьей хищнической натуры, постоянно алчущей плотских наслаждений, и стремления, каким-то чудом вложенного в эту животную натуру, к нравственному совершенствованию, к исканию истины» [Остроумова, с. 803]. Поверив Кириллу и уйдя с ним из скита Енафы, Аглаида-Авгарь не может найти успокоения, страдает, ненавидя «и свою молодость, и свою красоту, и свой голос». «Везде грех, человеконенавистничество и неправда» [с. 270], — размышляет она. Однако ей дан не только музыкальный дар — голос у нее «соловиный», но и, вместе с острым осознанием человеческого несовершенства, способность наблюдать и остро чувствовать красоту окружающего мира — самой природы, описываемой автором через восприятие героини. Редким человеколюбием и стремлением всем помочь и всех обогреть отличается «мастерица» Таисья, у которой в конце концов находит себе приют Авгарь-Аглаида. Наконец, символическое значение обретает впечатление, полученное маленькой Нюрочкой, дочкой Петра Елисеича Мухина, во время старообрядческого богомолья на Крестовских островах, куда привезла ее Таисья: «Нюрочке казалось, что она в какой-то громадной церкви, сводом для которой служило усеянное звездами небо. Восторженно-благоговейное чувство охватило ее с новой силой, и слезы навертывались на глаза от неиспытанного еще счастья, точно она переселилась в какой-то новый мир, а зло осталось там, далеко позади. Эта народная молитва под открытым небом являлась своего рода торжеством света, правды и духовной радости» [с. 258]. По-видимому, это детское впечатление и рассказы Таисьи, пример ее бескорыстного служения людям, восхищение неземной красотой и строгостью Аграфены-Аглаиды, а не только общение с православным батюшкой отцом Сергеем, которого «Нюрочка тоже очень любила» [с. 292] и который не раз возвращал ее к церковной вере, стали той опорой и духовной крепой в сознании девушки, что сохранили ее в жизненных невзгодах, связанных с крушением заводов и потерей отца.

В финале романа заводы останавливаются, население разбредается кто куда: «Случилось что-то стихийно-ужасное, как поветрие или засуха. <...> Раньше на время делалась мертвой только фабрика, а теперь замерло вместе с фабриками и все жилое. Картина получилась ужасная, точно после военного разгрома» [с. 313]. В эпилоге читателю сообщается, что «Мурмосские заводы за долги ушли с молотка и достались какой-то безымянной компании, которая приобрела их в рассрочку на 39 лет и сейчас же заложила в земельный банк» [с. 326]. Однако жизнь продолжается. Игруются новые свадьбы, происходит соединение обитателей когда-то упрямо хранивших свою независимость «трех концов». После смерти отца Нюорочка выходит замуж за Васю Груздева, работает в школе земской учительницей, а Вася организует потребительскую лавку, чтобы противостоять грабительской торговле солдата Артема. Провожаемый Таисьей и Нюорочкой, уходит в скиты сам бывший купец Самойло Евтихыч Груздев («...он шел по дороге в Самосадку, шел и крестился» [с. 328]). Таким образом, на обломках старой жизни возникают ее новые ростки и побеги, и будущее — за этим молодым поколением, своим трудом искупающим грехи отцов. Индивидуально-личное начало, подкрепляемое связью с национально-историческими основами жизни, способно выстоять, несмотря на самые сокрушительные социальные, экономические, бытовые условия и детерминации жизни, и в этом залог движения самой этой жизни.

Список литературы

Альбов В. Капиталистический процесс в изображении Д.Н. Мамина-Сибиряка. (Критический очерк) // Мир Божий. 1900. № 1. С. 112–135; № 2. С. 62–94.

Дергачев И.А. Особенности жанра и проблематика роман Д.Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» // Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк. Сто лет со дня рождения. 1852–1952 : (материалы науч. конф.). Свердловск : Свердл. кн. изд-во, 1953. С. 46–86.

Дергачев И.А. Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность, творчество. Свердловск : Сред-Урал. кн. изд-во, 1977. 304 с.

Дергачев И. А. (при участии Соболевой Л. С.). Протопоп Аввакум в писательском сознании Д.Н. Мамина-Сибиряка // Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. С. 150–162.

Дергачев И.А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870–1890-х гг. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. 283 с.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. : в 12 т. / под ред. Е. А. Боголюбова Т. 5 : Три конца. Свердловск : Свердл. обл. гос. изд-во, 1949. 356 с.

Неведомский М. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк // История русской литературы XIX века / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, при ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина. М. : Изд-во т-ва «Мир», 1910. С. 145–169.

Остроумова Н. Журнальные заметки // Екатеринбургская неделя. 1890. № 36. С. 803–804.

Скабичевский А. Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк // Скабичевский А. Сочинения : Критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики : в 2 т. Изд. 3-е. СПб. : Изд. Ф. Павленкова, тип. Ю. Н. Эрлих, 1903. Т. 2. С. 599–640.

Соболева Л.С. Истоки представлений о старообрядчестве в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2002. № 24. С. 97–122.

Соболева Л.С. Старообрядческий мир в произведениях Д.Н. Мамина-Сибиряка // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 4 : Локальные тексты и типы региональных нарративов. С. 143–156.

Тагер Е.Б. Новый этап в развитии реализма; Проблемы реализма и натурализма // Русская литература конца XIX — начала XX в. Девяностые годы. М. : Наука, 1968. С. 92–188.